

*Е.А. Здравомыслова,
кандидат социологических наук.
Европейский университет в Санкт-Петербурге*

*А.А. Темкина,
PhD университета Хельсинки.
Европейский университет в Санкт-Петербурге*

Трансформация гендерного гражданства в современной России

Обсуждая итоги и перспективы развития российского общества за последнее десятилетие, необходимо обратить внимание на тот сегмент социальной реальности, который редко бывает в центре социологического внимания, — на изменения в сфере гендерных отношений. В данной статье мы

© Е.А.Здравомыслова, А.А.Темкина, 2003

рассматриваем трансформацию гендерного гражданства в современном российском обществе. Категория "гендерное гражданство" используется нами для анализа гендерного порядка, понимаемого как социальная организация половых различий. Гендерный порядок можно также рассматривать как статусный гражданский порядок, который характеризуется неравным распределением благ и престижа по признаку приписанного пола.

Категория "гражданство" определяется как: 1) система экономических, политических и социальных прав и обязанностей, определяющих взаимоотношения государства и граждан; 2) устойчивые социальные практики индивидов, принадлежащих к сообществу, объединенному моральными ценностями¹. Социологическое понимание "гражданства" отсылает нас к статусному измерению неравенства, закреплённому в правовом и символическом порядке и имеющему имущественные последствия.

Как показали феминистские исследователи, в национальном государстве категория "гражданство" является гендерно маркированной². Социальное положение женщин и мужчин как граждан разного рода определяется доминирующими и конкурирующими гендерными идеологиями, семейной и социальной политикой, императивами политического и социального участия. Одним из параметров "гражданства" в современном обществе являются гендерные идеологии, определяющие проекты женственности и мужественности.

В данной статье мы рассматриваем советское и постсоветское гендерное гражданство как идеологию и политику, определяющую права и обязанности, а также социальные практики граждан, различаемых по признаку пола, создающую и воспроизводящую систему гендерного неравенства. В советское время доминирующим агентом определения гендерного гражданства было государство, жестко регулирующее социальные практики мужественности и женственности посредством идеологических и политических аппаратов. Оппонирующими дискурсами, интерпретирующими половые различия, выступили социальные науки, литература и публицистика позднесоветского времени.

В постсоветский период государство утратило свою доминирующую роль в определении гендерного гражданства. В настоящее время практики мужественности и женственности оказываются непредна-

¹ Turner B. Outline of a Theory of Citizenship // *Sociology*. 1990. Vol. 24. N 2. P. 189-217; Marshall T. Citizenship and Social Class // *Citizenship and Social Class* / Ed. T. Marshall, T. Bottomore. L.: Polity Press, 1950; 1992.

² Юваль-Дейвис Н. Гендер и нация. Епра, 2001; Lister R. Citizenship: Feminist Perspective. Basingstoke: Macmillan, 1997; Pateman C. Equality, Difference, Subordination: The Politics of Motherhood and Women's Citizenship // *Beyond Equality and Difference: Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity* / Ed. G. Bock, S. James. L.: Routledge, 1992; Walby S. Is Citizenship Gendered? // *Sociology*. 1994. Vol. 28. N 2. P. 379-395.

меренными следствиями воздействия разнообразных социальных сил — политических акторов, СМИ, рынка, а также традиций.

Наша задача — показать, как государство создавало категории "новых советских граждан", различаемых по признаку пола (советских мужчин и советских женщин) и как изменяются данные категории в трансформационный период. Мы показываем, что основной идеологией гендерного гражданства становится неотрадиционализм в различных вариантах. В данной статье мы обращаемся преимущественно к анализу государственной политики *в отношении женщин*, поскольку гендерная сензитивность власти проявилась в детальной разработке нормативных актов и мер, регулирующих положение советских гражданок — матерей и работниц. Целостный анализ несомненно предполагает реконструкцию мужского гражданства и сопоставление его с парной категорией — женского.

1. Позднесоветское гендерное гражданство

В советском государстве система гражданства включала обязанности и права, которыми по закону наделялся каждый советский гражданин. Советское гражданство имело принудительный характер, право, по сути, имело характер обязанностей, пренебрежение которыми жестко санкционировалось властью. Социальные практики гражданства предполагали мобилизацию советских людей на осуществление целей социалистического строительства и подтверждение политической лояльности ("выполнение общественного долга"). Цели строительства социалистического общества были, с одной стороны, общими для всех граждан, формально имевших равные права и обязанности. С другой стороны, гражданский статус (формально и неформально) различался в зависимости от социального происхождения и положения, возраста, пола и национальности (этничности). Государство различало граждан по признаку пола и создавало гендерные различия между ними. При этом государственное конструирование гендерного гражданства создавало рамки для особых женских стратегий, возможных именно в советском контексте.

На протяжении всего советского периода государство остается главным агентом регулирования занятости, семьи, социальной политики в отношении женщин, производителем официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность. Этакратический гендерный контракт "работающая мать", заключающийся в принудительной мобилизации женщины как рабочей и репродуктивной силы, стабилизировался в 1930—1950-е годы¹.

¹ Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история — 2002. Специальный выпуск, посвященный гендерной истории / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева. М.: РОССПЭН, 2003; Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № II. С. 4-15.

В позднесоветский период гендерно маркированное определение гражданства включает массовое вовлечение женщин в общественное производство при одновременном усилении роли "добровольного" материнства, поддерживаемого социальной политикой. Выполнение женщиной двойных обязанностей (в публичной и частной сферах) становится более проблематичным, что находит выражение и в дискурсах, и в повседневной жизни. Гражданские обязанности женщины постепенно "приватизируются", их выполнение (или не выполнение) поддерживается и контролируется в повседневности не только государством, но также и профессионализированными социальными институтами, и ближайшим окружением. В этот период происходит ограниченная либерализация гендерной политики, некоторое восстановление частной жизни (частной сферы) и формирование специфической неформальной публичной сферы, т.е. дискурса, умеренно оппонировавшего официальному. Положение женщины, "баланс ролей", лежащий в основе ее прав и обязанностей как работницы и матери, становится предметом общественного обсуждения, прежде всего в профессиональных дискурсах общественных наук.

Либерализация гендерной политики связана в первую очередь с декриминализацией абортов в 1955 г. и усилением государственной поддержки материнства. Кодекс РСФСР о браке и семье 1968 г. упростил процедуру развода, восстановил возможность установления отцовства в случае внебрачного родительства. В трудовом законодательстве возросло разнообразие и число позиций, обуславливающих привилегированное положение женщин в сфере занятости¹.

Новая гендерная политика допускает принятие самостоятельных решений по поводу деторождения. Государство делегирует медицинским учреждениям и семье, в первую очередь женщине, функции контроля за политикой деторождения². Однако эта политика не подкрепляется сексуальным образованием, доступностью надежных современных контрацептивных средств. В результате складывается абортная контрацептивная культура (как ее называют демографы), при которой медицинский аборт становится массовым опытом и основным способом контроля репродукции и планирования семьи. Альтернативой прерывания беременности выступают традиционные способы регулирования рождаемости, использование доступных контрацептивов, имеющих репутацию ненадежных и опасных для здоровья женщин и мужчин.

Государство осуществляет пронатальную социальную политику и проводит идеологию, отождествляющую "правильную женст-

¹ Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л.Завадская. М.: БЕК, 2001. С. 106.

² *Бараулина Т.* Моральное материнство и воспроизводство женского опыта // В поисках сексуальности / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб.: Д.Буланин, 2002.

венность" с материнством. Многочисленные, но незначительные по величине льготы беременным и матерям в 1970-1980-е годы были призваны стимулировать деторождение. Таким образом, происходит продвижение идеологии родительства как материнства и материнства как естественного предназначения женщины, иными словами, натурализация женской роли. Вместе с тем социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания) не соответствует потребностям семьи, заставляя ее вырабатывать собственные стратегии по адаптации к структурным проблемам. Использование социальных сетей, родственных связей, прежде всего межпоколенческих, становится повседневной практикой российских гражданок в реализации навязанного контракта "работающей матери".

Ограниченная либерализация гендерной политики подкрепляется частичной "реабилитацией личной жизни" (приватной сферы), в первую очередь связанной с политикой массового жилищного строительства 1960-х годов. Структуры жилья в значительной степени определяют организацию повседневной жизни людей, в том числе и гендерного уклада семьи и женских ролей. Жилищное строительство 1950—1960-х годов приводит к появлению нового типа массового жилья — отдельной квартиры — и новых возможностей для обустройства личной жизни. Семья становится автономной единицей; повседневные интимные отношения, воспитание детей, организация быта выходят за пределы постоянного контроля соглядатаев и становятся "личным делом", требующим ресурсов и затрат. Контроль за "правильным" осуществлением мужественности и женственности в большей степени, чем прежде, делегируется семье и ближайшему социальному окружению. Семья вступает в своего рода "конкурентные" отношения с государством, стимулируя проблематизацию гендерных ролей в публичном дискурсе.

Публично обсуждение советских практик мужественности и женственности на самом деле порождает спор о соотношении общественного и частного, о преодолении неантагонистических противоречий социализма, о решении демографических проблем¹. В рамках позднесоветского дискурса признается неравенство "равных" граждан "в быту" и необходимость его преодоления². В этот период образованная городская семья, в которой женщина, как правило, совмещает работу и материнство, отказывается от рож-

¹ Приватное/публичное измерение гендерного гражданства — проблема, активно обсуждаемая в западном феминистском дискурсе. Ее суть заключается в том, что публичная декларация равенства находится в противоречии с устойчивым гендерным неравенством в приватной сфере, с социальными правами, предоставляемыми отдельным категориям граждан, получающим социальную поддержку (в данном случае женщин-матерей) (*Simm B. Gender and Citizenship. Politics and Agency in France, Britain and Denmark. Cambridge University Press, 2000; Юваль-Дейвис Н. Указ. соч.*)

² Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. М.: Наука, 1972.

дения "достаточного числа" советских граждан — работников и защитников отечества, — исполнение же гражданских обязанностей материнства становится проблематичным.

В официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как "основной ячейки" общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей, заботе и обслуживанию семьи. Одновременно в критическом либеральном дискурсе (социальные науки, публицистика) проблематизируются совмещение ролей матери и работницы, положение одиноких матерей. Мужская роль также становится объектом критики в связи с невозможностью осуществления роли монопольного кормильца и защитника, приводящей к "кризису маскулинности"¹. Наши исследования показывают, что позднесоветская либеральная критика гендерного гражданства была патриархальной и в большей степени выражала эссенциалистские представления о мужественности и женственности², чем официальный советский дискурс. Эта критика представляла собой камуфлированный протест против советской версии равноправия полов и защиту некоторой разрушенной насильственным путем традиции. Традиция при этом представляла как практику подчеркнутых половых различий, "стираемых" социализмом в целях мобилизации "человеческих ресурсов".

2. Постсоветское гендерное гражданство: идеологии неотрадиционализма

Для современного российского общества характерны не только классовые стратификационные процессы, но и актуализация социальных различий, обусловленных внеэкономическими параметрами — этничностью, полом, возрастом, собственно гражданским статусом. Трансформацию гендерного гражданства мы рассматриваем как следствие происходящих стратификационных процессов и изменения идеологии. Постсоветские трансформации разрушили структурные основы советской эмансипации (поддерживаемой идеологией и социальной политикой), одновременно сохранив практики совмещения женских ролей, укорененные в повседневности и востребованные рыночными условиями. Гражданство претерпевает изменения, трансформируется система гендерно маркированных прав и обязанностей. Меняется законодательство. В системе семейного права происходит гендерно сбалансированное переопределе-

¹ *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сб. статей / Сост. СМ.Ушакин. М.: НЛЮ, 2002. С. 432-435.

² Эссенциалистские представления о мужественности и женственности можно определить как те, которые основаны на признании онтологически сущностной, природной обусловленности социального положения мужчин и женщин.

ние родительских обязанностей. Институты социальной политики испытывают последствия бюджетного дефицита и рыночных реформ, сказывающиеся на уменьшении их вклада в обеспечение жизни российских граждан. В обсуждение проблем гендерного гражданства включаются новые общественные силы.

Возникают новые, зачастую конфликтующие между собой идеологии, включающие различные репрезентации мужественности и женственности. Данные идеологии эксплицитно или имплицитно апеллируют к некоторому представлению о "традиции", нуждающейся в возрождении, и о "естественном" предназначении женщин и мужчин. Однако существуют разные трактовки традиции и природы женственности, которые варьируют в зависимости от системы референций (того, что именно считается традицией в общественном дискурсе). В феминистском дискурсе традиционными считаются представления о женщине как домашней хозяйке, жизненный мир которой сконцентрирован вокруг обязанностей заботливой супруги, матери, хранительницы домашнего очага. Таков идеально-типический норматив буржуазного семейного устройства со свойственным ему разделением половых ролей. Однако в отечественном контексте трудно обнаружить эмпирические референции данного типа традиционализма. Массовый опыт российских женщин как в досоветский, так и в советский период, определяется их значительным вкладом в семейный бюджет, сочетанием разных видов занятости в сфере производства и воспроизводства. То, что в феминистских текстах считается традицией, для российского общества является исключением. Представление о гендерных традициях в постсоветском контексте, на наш взгляд, имеет свои особенности.

Мы выделяем две основные системы референций современного российского гендерного неотрадиционализма. Одна из них связана с либеральной традицией, эссенциализирующей половые различия, другая — с советской государственнической традицией "работающей матери", опирающейся на целевую социальную политику¹.

Идеология неолиберального гендерного традиционализма основана на противоречивом сочетании двух принципов: равноправия и природного различия полов. С одной стороны, признается, что женщины имеют равные с мужчинами права, они могут ориентироваться на различные роли, становиться профессионалами, домохозяйками, сочетать разные обязанности, согласно своему выбору. С другой стороны, утверждается, что женщины обладают отличными от мужчин природно обусловленными склонностями и имеют

¹ Сходные варианты выделила и Л.Попкова в анализе политического участия женщин (См.: *Popkova L. Political Participation of Women in Russia // Post-Soviet Women Encountering Transition*, 2003), а также см.: *Temkina A. Entering Politics: Women's Ways, Gender Ideas and Contradictions of Reality // Women's Voices in Russia Today / Ed A.Rotkirch, EHaavio-Mannila. Dartmouth, 1995. P. 206-234.*

особое предназначение, ограничивающее их карьерные возможности, поэтому женщины не стремятся к равному с мужчинами продвижению в публичном пространстве. Общественное устройство в целом рефлексивно ограничивает карьерное продвижение женщин, поскольку поддержание домохозяйства и воспитание детей интерпретируются как частносемейное дело граждан, не предполагающее государственного вмешательства. Ядром концепта гендерно-нейтрального гражданства в этом случае является система равных прав и обязанностей мужчин и женщин в публичной сфере. Особые социальные права женщин, связанные с их ролью в системе социального воспроизводства и поддержании приватной сферы, в этом дискурсе интерпретируются как *социальная инвалидизация*, приводящая к вытеснению женщин из публичной сферы. В масс-медиа образцы неолиберального традиционализма представлены подчеркнуто женственными образами бизнес-вумен и домохозяек.

Неогосударственнический традиционализм позиционирует женщин как особую категорию граждан, нуждающуюся в патерналистской социальной политике. В рамках этой идеологии подчеркивается, что у женщин есть гендерно обусловленная гражданская функция — демографическое воспроизводство нации. Воспитание детей и ведение домохозяйства интерпретируется как предмет государственного интереса, поддержки и заботы. Утверждается, что в период трансформаций женщина оказывается жертвой: поскольку государство не обеспечивает ее патримониальной поддержкой, она не может более быть полноценной работающей матерью, т.е. полноценной гражданкой. Ядром гендерно-сензитивного гражданства в таком дискурсе является система целевых социальных прав, гарантируемых мужчинам и женщинам, призванным выполнять свой "общественный долг". Образцы государственнического неотрадиционализма представлены в первую очередь в обсуждении социального положения депривированных слоев: многодетных семей, безработных, работников ВПК, мигрантов и пр.

3. Неотрадиционалистские проекты женственности

Рассмотрим кратко основные неотрадиционалистские дискурсивные проекты, которые репрезентируются в СМИ и идеологиях, организуют практики повседневности и представляют собой современные версии российского женского гражданства. Это проекты (модели) *работающей матери*, *домашней хозяйки* и *сексуализированной женственности*.

Модель *работающей матери* легитимизирована многопоколенной советской традицией массовой женской занятости, моральной и экономической ответственности за семейно-бытовую сферу и натурализированным материнством (эксклюзивным родительством). Она находит оправдание в дискурсе равенства и поддержки-

вается логикой рыночных механизмов переходного периода. При этом для стратегии работающей матери в постсоветских условиях характерны новые правила. В новой версии обязанности "работающей матери" не являются ее гражданским долгом (обязанностью). "Приватизация" материнства и отделение родительства от сферы гражданских обязанностей сочетается с "приватизацией" работы. Занятость становится также личным выбором женщины, базирующимся на морально-экономических основаниях. Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала активизации роли женщины в сфере оплачиваемой занятости.

Опыт экономической независимости женщины в семье, зависимость статуса женщины от ее статуса в публичной сфере, материнство как экономическая функция — все это укорененные советские стереотипы, сохраняющие свое значение в постсоветском обществе во многих социальных средах¹.

Модель *домашней хозяйки* легитимизирована ориентацией на представления о лучших жизненных шансах, характерных для западного старого среднего класса и высших слоев досоветского и постсоветского российского общества. В российском обществе данный проект никогда не опирался на массовый жизненный опыт, как и дискурсивный проект мужчины — единственного кормильца в семье. Роль домашней хозяйки дискурсивно позиционируется двойственным образом. С одной стороны, это проблема идентичности женщин среднего и высшего класса, с другой — это проект желаемого будущего и проблематизация положения работницы низкой квалификации и вынужденно работающей матери. Роль домашней хозяйки связывается с возрастанием значимости приватной сферы и домохозяйства, с необходимостью в активном управлении приватностью в постсоветских рыночных условиях. Женщина-мать и менеджер домашнего быта — этот образ становится моделью желаемого будущего, недостижимого для большинства семей. Кроме того, для определенного сегмента нового предпринимательского класса России женская роль домашней хозяйки становится статусным маркером образа жизни. Материнство и забота сохраняются как основные атрибуты гегемонного дискурса женственности. Этот дискурс опирается также на религиозные ценности, все больше продвигаемые в постсоветской публичной сфере.

Сексуализированная женственность как гегемонный дискурс СМИ обусловлен коммодификацией сексуальности, под которой понимается превращение сексуальности в товар, что выражается в самых разнообразных формах — от порнографии и проституции

¹ Римащевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Социальные последствия рыночных реформ в России / Отв. ред. И.ВРывкина, Л.Я.Косалс. Сер.: "Демография и социология". М., 1997. Вып. 17. С. 138-155.

до "брака по расчету". Сексуализированная женственность как объект и субъект потребления позиционируется в качестве ресурса обеспечения социального положения. Жизненные шансы женщины связываются с ее сексуальной привлекательностью, которая может быть обменена на социальные блага и престижное потребление в ходе "выгодной сделки".

Кроме доминирующих моделей, в общественном дискурсе появились образцы женственности, существенно отличающиеся от единственно легитимной и поддерживаемой ранее советской политикой роли "работающей матери". Эти образцы разнообразны и многочисленны. Среди них феминистки, представительницы этнических и сексуальных меньшинств, активистки неправительственных организаций, женщины, сознательно отказывающиеся от материнства, женщины-инвалиды, жертвы насилия в зоне военных действий, женщины-"нелегалы", проститутки, беженцы, безработные, "бомжы", преступницы, наркоманки, террористки и пр. Все эти образы конституируют социальное пространство проблематизированного гендерного гражданства. В переопределении гендерного гражданства участвуют женские и правозащитные организации, политические партии, СМИ, профессиональные эксперты, представители общественных наук¹.

Гендерное гражданство женщин в целом становится гораздо более разнообразным и сложным для определения; социальные права женщин лишь в незначительной степени обеспечены поддержкой государства и рыночных структур. В условиях трансформации социальной политики и бюджетного дефицита возрастает роль горизонтальных социальных сетей и рыночных механизмов в определении практик женственности.

Происходит и дальнейшая проблематизация мужественности. "Кризис маскулинности" распространяется на новые поколения мужчин, не способных в рыночных условиях выполнять роль кормильца семьи. Это не относится лишь к небольшому слою обеспеченных семей, в которых мужчина становится доминирующим агентом, располагая властными и материальными ресурсами поддержки материнства/женской сексуальной привлекательности. Во многих других случаях постсоветский мужчина маргинализируется в приватной, а иногда и в публичной сфере.

Решения многих гендерно маркированных проблем общество ожидает от государства, социальная политика которого признается неэффективной; во многих слоях возникает ностальгия по патриархальной этатрагической традиции советского образца. Одновременно все большее дискурсивное пространство отвоевывают образы женственности и мужественности, апеллирующие к либе-

¹ Вопросы постсоветского гендерного гражданства и его переопределения в связи с национальными конфликтами, войнами, воинской повинностью, миграциями и прочим требуют отдельного исследования, здесь мы их только обозначаем.

рально-рыночной традиции гендерного общественного устройства. При явной конкуренции дискурсов, апеллирующих к разным традициям, они сходны в признании биологически детерминированного основания социальных практик женского гражданства. Неотрадиционалистские версии идеологии гендерного гражданства при всей их привлекательности могут способствовать половой сегрегации, дискриминации граждан по признаку пола, вытеснению женщин в приватную сферу, акцентуации брутальной мужественности. До сих пор декларируемое "равенство в различии" представляется недостижимым идеалом. Его достижению может способствовать лишь развитое гражданское общество, рефлексивно реагирующее на тенденции социального неравенства.